

КУЛЬТУРА. - 1994 -
- 42 стр. - с. 3.

Привередливые кони

Фото В. ГРАЧЕВА

Игорь НАИДЕНОВ

Каких только писем не присылают к нам в редакцию. От пространных опусов с просьбой подсобить деньгами до кратких требований снять с должности Президента. Газета — не Господь Бог. На "нормальные" письма по возможности мы отвечаем рукописно, на некоторые реагируем словом печатным. Недавно к нам попало письмо, подписанное Ириной Смирновой, бывшим администратором Государственного культурного центра-музея В.С.Высоцкого. В нем уважаемая дама клеймит позором сына певца и актера Никиту Владимировича, чуть более года назад возглавившего центр-музей. Собственно говоря, это даже не письмо, а обвинение, в котором постатейно доказывается несостоятельность Н.Высоцкого в качестве директора. Нам удалось выяснить, что подобные письма Смирнова со товарищи с завидной периодичностью рассылает по печатным изданиям. Ее сочинение на эту тему было опубликовано в одном уважаемом журнале. Нам объяснили, что ее письмо вышло в ответ на интервью Н.Высоцкого, где он ведет речь о планах музея. Вроде бы журнал сыграл по-честному — предоставил возможность высказаться обеим сторонам. Однако разница между публикациями в четыре месяца сделала их как бы самостоятельными, не относящимися друг к другу произведениями. Мы же, стараясь соблюсти максимальную объективность, решили свести лицом к лицу одного из бывших и нынешнего руководителей музея, чей воображаемый диалог с лирическими отступлениями автора публикуется ниже. О том, кто прав либо виноват, судить вам.

Ирина Смирнова: У Н.Высоцкого нашлись высокие покровители, которые от имени деятелей культуры быстро сделали письмо, посвященное бедственному положению музея. Не хочу называть фамилии, хотя могу сказать, что в списке был и министр культуры. Письмо было отправлено в Комитет по культуре Москвы. Две трети из подписантов ни разу музей не посетили. Жаль достойных людей — их заставили уподобиться автору знаменитой фразы: "Я Пастернака не читал, но роман его мне не нравится". Еще одно письмо с предложением сменить директора музея, подписанное уже членами семьи Высоцкого, отнес мэру Москвы Юсифу Кобзону. Была получена резолюция: "Решить в соответствии с просьбой". Сотрудники музея недоумевали — давно ли вопрос о руководстве музеев решается на уровне городского начальст-

ва? Мы попытались задать этот и другие вопросы заместителю председателя Комитета по культуре Москвы г-ну Лазареву, посетившему музей для представления нового руководства. Нам в резкой форме дали понять, что мнение коллектива в данном случае учитываться не будет.

Никита Высоцкий: Учредителем музея является Комитет по культуре Москвы, стало быть, правительство столицы вправе решать кадровые вопросы. Поэтому вполне логично, что я обратился к Юрию Лужкову. Решение о снятии директора принималось два месяца спустя после резолюции мэра. История с моим назначением юридически безупречна, поэтому они в суд и не подают. Тем более, что г-н Бартельс, предыдущий директор, самолично написал заявление об уходе. Что касается Кобзона, то он был знаком с отцом, дружен с семьей моего деда. Кроме прочего, является советником мэра Москвы по культуре. Ничего криминального в обращении к нему за советом я не вижу. Он посоветовал обратиться к Лужкову. Я написал от имени семьи письмо. Лужков прочитал. Наверное, спросил мнение Кобзона, правда ли то, что в письме. Думаю, что Кобзон ответил утвердительно.

Корреспондент: В письме говорилось, что в музее творятся безобразия: беспорядное пьянство, огромные финансовые злоупотребления, безнадежная грязь, просроченная документация по реконструкции, решение о которой было принято Лужковым в 1992 году, и прочее. Кстати, о пассаже с подписантами: нынешние сотрудники считают, что в то время приличному человеку в загаженный музей

дорога была заказана.

И.С.: После вступления в должность, новый директор провел несколько собраний, на которых обещал не устраивать "никакой чистки" среди сотрудников и излагал свои идеи преобразования музея. "Я со своей фамилией открою все двери", — говорил он тогда. Это было в мае прошлого года. Сегодня из бывших сотрудников осталось человека четыре. О реконструкции, которую он обещал провести, пока никто ничего не слышит — практически все деньги истрачены на отделку помещений. Я извиняюсь, все места общественного пользования оклеены дорожными обоями.

К.: Музей (Нижне-Таганский тупик, 3 — недалеко от Театра на Таганке) производит очень опрятное впечатление. По крайней мере изнутри. Снаружи ведутся строительные работы. Высоцкий в делах — за время разговора отвлекался раз десять, что-то по поводу рубероида и краски.

Н.В.: Все состоявшееся здесь увольнение обоснованы. Я никого не выгнал ни по статье, ни личным распоряжением. Все писали заявления об уходе. Многие работали без московской прописки. Держать таких сотрудников в штате мы не имеем права. Были также увольнения, связанные с коммерческой деятельностью, которую я в музее прекратил. Здесь было семь сторонних организаций — турфирмы, строительные конторы. Договоры на аренду были подписаны директором музея, деньги от аренды на счет музея не поступали.

И.С.: При прежнем "плохом" руководстве раз в три месяца менялись выставки, и делали их всегда так, чтобы они отличались от обычных музейных экспозиций, были неординарными. Мы использовали не только небольшое помещение музея (общая площадь здания — 2083 кв.м! — **Корр.**), но и различные залы Москвы и других городов России. На данный момент в музее уже больше года демонстрируется одна экспозиция, в шутку называемая "Мой папа — Высоцкий". Ежегодно проводился фестиваль молодежных театральных коллективов "Эра милосердия" — в этом году его не было.

Н.В.: Мы не выставочный зал. Пойдите в любой музей, скажем Льва Толстого, и посмотрите, с какой частотой там меняют экспозиции. Другое дело, что у них есть возможность на базе постоянной экспозиции проводить разнообразные выставки, к примеру, приуроченные к очередному юбилею. Когда у нас все наладится, мы займемся нормальной музейной работой. Кстати, к 60-летию В.Высоцкого мы готовим отдельную выставку, она будет передвижной, у нас уже есть заказы на нее из других городов.

И.С.: В каждом интервью Высоцкий говорит о том, как плох был музей до его прихода к власти. В ход идет все — заведо-

мая ложь о пропавших из фондов документах (знающие музейное дело поймут, что стало бы с директором и главным хранителем за любую пропажу документов — это подсудное дело). Сохранность можно подтвердить документально, есть опись фондов, приемно-сдаточные акты. Ну а уж под конец каждый раз упоминаются собаки (была одна всеобщая любимца Фима), обвалившиеся балки, пынки и т.д. Просто диву даешься, как о многом я, проработавшая в музее столько лет, даже не подзревала.

Н.В.: Я с полной уверенностью могу сказать, что при бывшем руководстве из фондов музея пропадали редчайшие документы. Обнаружить потери из-за полного отсутствия учета материалов было практически невозможно. Подтвердить это может тот же Юрий Петрович Любимов, который передал музею видеозаписи передачи о В.Высоцком, отснятой мексиканским телевидением. Любимову ее подарил посол Мексики в СССР. Сейчас эта кассета существует в испорченном виде, большая часть записи стерта. Я знаю многих людей, которые бескорыстно передавали сюда свои видеоматериалы. Сегодня даже след их исчез. О каком вообще учете тогда можно было говорить, когда здесь не было ни электричества, ни тепла, внутри бегали огромные крысак, а в качестве охранников на ночь оставались две прилично пьяные девицы. Я понимаю обиду людей, которые шлют письма в газеты: раньше они на музейные деньги покупали кассеты, на музейном оборудовании тиражировали Высоцкого, продавали аудиозаписи и, не отчитываясь, клали всю прибыль в карман. Теперь у них нет такой возможности.

И.С.: Никита Владимирович умалчивает, что многие вещи, находящиеся сегодня в фондах, были куплены музеем у родственников В.Высоцкого. Нам всегда было несколько странно видеть, как люди продают вещи близкого им человека, и кому — музею его имени!

Н.В.: Музей приобрел у моей бабушки несколько личных вещей отца, чтобы полностью израсходовать свой финансовый лимит. В противном случае на следующий год бюджет музея изрядно бы похудел. Бабушка отдала вещи, получив долларов 600—700. Мне доподлинно известно, что ни одной копейки она себе не оставила, а потратила на память о своем сыне. А могла бы потратить на себя — я не вижу в этом ничего страшного. Тем более что все ценное, имеющееся сегодня на выставке, было передано моей бабушкой. На коллекционном рынке эти вещи стоят солидные деньги: к примеру, рукописный отцовский лист стоит около 1000 долларов. Кстати, очень большая часть денег, которые расходуются на строительство, — это тоже деньги моей семьи.

КОММЕНТАРИЙ

Юрий ЕГОРОВ, начальник отдела музейно-выставочной работы Комитета по культуре Москвы:

— Согласно существующим законам, руководитель организации культуры назначается его учредителем. Учредителем Музея В.Высоцкого по поручению правительства столицы стал Комитет по культуре Москвы. Г-же Смирновой надо напомнить, что времена, когда директор избирался решением трудового коллектива, давно прошли. Сегодня Никита Высоцкий, в соответствии с уставными документами музея, вправе самолично решать все кадровые и хозяйственные вопросы. Новый директор за короткий срок

создал вполне приличную экспозицию — это факт, который нельзя отрицать.

Ирина АЛЕКСЕЕВА, директор Центра авторского творчества:

— Мы всегда, и при нынешнем, и при старом руководстве, существовали отдельно от Музея Высоцкого. Никаких совместных мероприятий не проводили. О его работе знаем понаслышке. Те казепэшники, для кого творчество Владимира Семеновича превалировало над творчеством других бардов, как ходили, так и ходят на Таганку. Для "всеядных" этот музей никогда не был центром средоточения интересов. Собственно, что ходить и в десятый раз смотреть на одни и те же фотографии и рукописи.